

Стать регентом

Автор:

Дарья Дезомбре

Стать регентом

Дарья Дезомбре

«Комната у Окиянина была маленькой, на этаже для некурящих, но почему-то пропахшая сигаретным дымом. Он поморщился и начал распаковывать багаж – всего-то два костюма. Один очень приличный – надеть в день доклада и еще один, просто приличный; пара рубашек и несколько галстуков. К галстукам он относился трепетно: ненавидел эту богемную неопрятность, часто присутствующую у научной братии. Растянутые свитера и несвежие джинсы, мол, мы все в науке...»

Дарья Дезомбре

Стать регентом

Комната у Окиянина была маленькой, на этаже для некурящих, но почему-то пропахшая сигаретным дымом. Он поморщился и начал распаковывать багаж – всего-то два костюма. Один очень приличный – надеть в день доклада и еще один, просто приличный; пара рубашек и несколько галстуков. К галстукам он относился трепетно: ненавидел эту богемную неопрятность, часто присутствующую у научной братии. Растянутые свитера и несвежие джинсы, мол, мы все в науке.

Телефон зазвонил, когда он вышел из душа.

– Окиянин, – завопил радостно голос в трубке, и Яр узнал Каминского, школьного еще приятеля, уже пару лет сидящего в Массачусетсе – вот я тебя и рассекретил! Девушка на ресепшен – премиленькая, кстати – доложила, что очень важный белобрысый господин уже полчаса как в номере!

– Привет, – Окиянин понял, что придется спуститься, и настроение от этого не улучшилось. – Я собирался еще чуть-чуть поработать.

– Поработать?! – Леня аж задохнулся. – Сдурел? Завтра будешь работать! Я тебя, коптилку нордическую, не видел уже сто лет!

Яр вздохнул и покосился на бумаги, лежащие на столе.

– Хорошо, – согласился он за секунду до того, как Каминский обиделся. – Спустишь через пять минут.

И повесил трубку.

В баре уже собралось немало разношерстного народу. Окиянину подумалось, что десяток лучших мировых умов в области теоретической физики, собранные в одном питейном заведении, не слишком отличаются от группы местных завсегдаев. Дым стоял коромыслом, на столах пенились кружки с пивом. Завтра – Яр неприязненно оглядел толпу – в конференц-зале будет витать легкий дух перегара. Какая бессмысленная потеря времени. Каминский стоял к нему спиной, но не узнать его было невозможно: долговязый – почти такого же роста, что и Окиянин, с шапкой вьющихся волос, он уже с кем-то беседовал, энергично подкрепляя слова влажной от подтеков пива кружкой.

– Привет, – Окиянин подошел неслышно сзади.

– Ярик! – обернувшись, Каминский расплылся в добродушной улыбке и бросился, по обыкновению, хлопывать его по плечам. – Ты в полной форме, смотри-ка! Молодец! Ну, просто арийский идеал: в здоровом теле – мощнейший мозг!

И он знаками дал понять бармену, что требуется еще одно пиво.

– Ты Силенова видел уже?

Яр отрицательно покачал головой.

Каминский загадочно улыбнулся.

– Мы работаем, как выяснилось, над пограничной задачей. Читал его статью в Physics Today?

Окиянин кивнул.

– Ха! – Леня взял его за локоть и зашептал жарко на ухо: – У меня эти результаты были уже год назад. Все сыро, конечно. У него еще больше, чем у меня, но, поверь мне... – и тут шепот стал совсем горячим, – тянет на Нобелевку!

Яр улыбнулся ему – как он один и мог – только тонким ртом, а сам устало подумал, что ничего не меняется: все работают над темами, исключительно под «Нобелевку», все боятся, что кто-нибудь дойдет быстрее них до секретов мироздания. Вокруг, как водится, больше сплетен, чем настоящей науки и настоящего в ней движения. В околонуточных интригах Яр был не силен – не потому, что не получалось – у него всегда получалось. Все. Просто было жаль времени. Вот почему он уехал в провинциальный европейский институт, где ему, впрочем, сразу же дали на откуп лабораторию. И да, именно оттуда, а не из хваленного Эм Ай Ти поступали самые блестящие научные статьи. Подписанные только им. Никакого соавторства. Яр был одиночкой. Убежденным одиночкой и истовым трудоголиком. Его мало кто любил в научных кругах, но ему было на это глубоко наплевать. В научных кругах, как и в любых тусовках, связанных с творчеством, вообще мало кто кого любит. Разве что Каминский нежно к нему относился по старой памяти...

А Каминский меж тем махал длинными музыкальными руками и возбужденно, как будто молчаливый Окиянин в чем-то с ним спорил, разворачивал перед ним общую картину исследований в области теоретической физики в Европе и Штатах. Картина была четкой и верной – что и неудивительно, Каминский был малый с хорошей головой. Окиянин внимательно слушал и иногда вставлял слово, когда... когда вдруг за столом в углу бара увидел Его. Нет, сначала он просто периферийным зрением выхватил знакомое темное каре. И вздрогнул. Повернув голову, Яр осмотрел фигуру, сидящую к нему спиной: узкие плечи, обтянутые старым свитером, сгорбленный – да так, что виден позвоночник. Вот тот повернулся в профиль – и горло Окиянина сжалось от давней ненависти,

кровь бросилась в лицо.

- Ты не согласен? - рядом Каминский совсем по-детски моргнул.

Окиянин покачал головой и отвернулся в сторону.

- Что-то я нехорошо себя чувствую, - сказал он. - Не выспался. Ты прости меня, я пойду - лягу.

Каминский внимательно на него посмотрел.

- Может, вызвать врача? - голос у него сделался обеспокоенным, видно, с лицом у Окиянина и правда творилось что-то не то.

- Нет, просто тяжелый перелет. Извини. - И он быстро вышел из бара, чувствуя спиной встревоженный Ленин взгляд.

В номере он с ожесточением бросал себе в лицо пригоршни ледяной воды, пока не застыл: вцепившись руками в края раковины, глядя на мокрую свою физиономию в маленьком зеркале. Он нравился себе, Окиянин. Как нравились ему звуки его фамилии и имени - с тех пор, как Ярослав превратился в краткое «Яр». Нравились правильные черты лица, и до некоторого времени - голубые глаза. Холодные - вот как она сказала в тот день, когда он невольно подслушал под дверь. И близкопоставленные. Окиянин этого не находил, но ей-то казалось именно так - и стало неважным, как считал он сам. А волосы Яр стриг всегда очень коротко - почти по-военному. Впрочем, военным был весь стиль его жизни. Распланированный. Четкий. Никакого - я подумаю над вопросом в пивной, подойду в институт к полудню и напишу, что надумал. Никакой свободы, свойственной творческой научной братии. Хотя Окиянин давно подозревал, что те из «братии», кто достиг чего бы то ни было, как и сам Яр, жили в ритме казармы.

А он - ОН! - раздражал его всем. И длинными волосами, и небрежностью, с которой он обращался с собственным временем и в конечном итоге с собственным талантом. А талант у него был. Окиянин вытер с силой лицо и прошел в комнату. Да, талант у него был уровня самого Яра. И это и бесило

Окиянина больше всего. Как там сказал профессор Кадишев (она тогда уже переехала «к нему» жить)? Какой теплый и сильный талант! Яр тогда не выдержал – что с ним случилось редко – и быстрым шагом вышел из лаборатории. Он нисколько не комплексовал по поводу силы своего дарования, но знал: никто и никогда не назовет его талант «теплым».

Время было детское – часов десять, и Яр решил еще почитать. Но сначала позвонить Ирине. Разговор с ней, как ни странно, его успокоил: отдалил все, что стало вспоминаться с такой силой при одном взгляде на эту спину, на профиль с выдающимся «шнобелем», на карие глаза чуть навывкате.

– Как ты устроился? – голос Ирины был в меру обеспокоенным. Она знала, что муж устраивается на новом месте с четкостью и быстротой спартанца. И, не дожидаясь ответа, продолжила: – Я тут сходила на распродажу, нашла тебе премиленький свитерок.

– Хорошо. – Яр ответил на обе фразы. Свитерок он все равно носить не будет, тем более «премиленький», но у Ирины уже было мало места в собственных шкафах, поэтому она удовлетворяла свою безобидную страсть к шопингу, покупая вещи Окиянину.

– Встретила Лизу... – Лиза была женой коллеги Яра, столь же безмозглая, как и Ирина.

Надо заметить, что Яра не удручала глупость жены, напротив: он справедливо считал себя умнее и образованнее девяноста девяти процентов земного населения, и почему-то бо́льшая разница в интеллекте была для него менее раздражающая.

– Они очень плохо живут, – «озабоченным» тоном заметила Ирина.

Яр понимал, что перипетии в личной жизни подруги только радуют ее на фоне собственного благополучия. – Лиза хочет от него уйти, представляешь?! Мы искали, сколько стоит снять квартиру сейчас в Питере.

– И что же?

- Очень дорого, - с удовлетворением констатировала Ирина.

- И так, Лиза остается на месте? - Яр очень ясно представил себе, как две подружки склонились над экраном компьютера с сайтами агентств по недвижимости, потом горестно вздохнули, выпили чуть-чуть коньяка из бара, а затем вышли «делать шопинг». Впрочем, может быть, «премиальный свитер» был ДО.

- Ярослав, что-нибудь случилось? - вдруг спросила она совсем другим, напряженным голосом. Интуиция у нее была звериная.

- Что должно было случиться? - раздражение опять поднялось упругой волной.

- Не знаю. У тебя голос какой-то... не такой.

- Попробай сформулировать свою мысль более четко, дорогая, - тон у него сделался ледяным.

- Я скучаю по тебе, любимый, - теперь Ирина была явно испугана.

- Я тоже, - как можно мягче сказал он. - Спокойной ночи.

Он попытался почитать научные журналы, но сосредоточиться не получалось.

Так где же они все-таки познакомились?

Он знал, казалось, про Варю все. Гордился тем, как из разных, часто косвенных, источников получал информацию - и ему никогда не надоедала эта охота: за ее детскими воспоминаниями, за ее подростковыми страхами, за ее семейной историей, за деталями ее первой любви, да мало ли за чем еще... И при этом ему не было известно про нее столь важного: всех родинок на ее теле, в какой позе она любит заниматься любовью, как пахнет после этого... И хотя он знал о ней бесконечно много, эти редкие лакуны бесили Яра и делали его знания ненужным хламом. Вот и теперь - пожалуйста - он не помнит, где они познакомились со своим Караваем. Хотя помнит детали всех ее отношений с другими, много менее важными в ее жизни мужчинами. Нет, конечно, она его «берегла». Как только

появлялся «новенький», как Яр его для себя определял, он догадывался об этом по косвенным признакам: ее не было дома вечерами, когда он звонил; она отказывалась от приглашений в театр или на концерты. Или напротив: он набирал ее номер, и было беспробудно занято в течение добрых двух часов. Но он все равно дозванивался – традиция эта была святой для него и для нее. Его голос был последним, который она слышала каждый день: уже лежа в постели, зажав трубку между ухом и подушкой.

– Я люблю тебя, – говорил он.

– Оушен, спокойной ночи, – отвечала она.

Яр решил принять снотворное и лечь. Бессмысленно таращиться в пустоту окна и пытаться не думать о Варе. Бессмысленно не думать о Варе. Ему впервые пришло в голову, что если бы он мог каждое утро просыпаться с ней рядом, то у него никогда бы не получилось то, что получилось, в науке. Он прошел босиком в ванную, зажав таблетки в руке, и, не зажигая света, на ощупь нашарил стакан. Налил воды. Перед ним снова было зеркало, но темнота была абсолютной: он никогда бы не смог ничего в этом зеркале увидеть, кроме своих страхов. Таблетки противно застряли в горле, и на языке стало расплзаться горькое, гадкое... Яр осторожно поставил стакан обратно на полочку над раковиной.

Когда они познакомились с будущей женой, Вари уже не было в Питере. Она уехала в Америку через полгода после Каравая. В столицу мормонского штата Юта, в «заштатную» лабораторию, как она сама шутила. Они не общались эти последние полгода после ее свадьбы: он не пришел ни на самую свадьбу, ни на отвальную, хотя зван был повсюду. Он вообще был в каком-то тумане, работал как умалишенный, возвращался домой за полночь. На выходных пытался пить – но не выходило. Ах, эта его нордическая натура! Не дававшая ему опуститься до скотского состояния, как бы тоска ни хватала за сердце.

И все, все же... Разве эту тоску можно было сравнить с тем мучительным состоянием пустоты, когда она уехала! Как же он мог, истязал Яр себя – не прийти в аэропорт?! Почему просто не стоял где-нибудь в углу и не смотрел на нее издали?! А вдруг она плакала перед отъездом, а рядом были только эти ее завистливые курицы – подруги? И он бы мог просто прижать ее к себе и не отпускать головы в вечно спутанных, как она ни старалась их расчесывать, мягких кудрях и шептать на ухо, что можно не уезжать к этому ее Каравая, что можно остаться в любимом городе и жить с ним, Окияниным...

Почему же его там не было?! Зато теперь – теперь, когда горло было залито, как свинцом, отчаянием, он мог провести час, стоя внизу у эскалатора на ее станции метро, глядя на безостановочный людской поток и никого не видя. Однажды он почувствовал, как чья-то рука легонько касается плеча – рядом стояла одна из самых приличных ее подруг, единственная, кого молчаливое служение Окиянина не раздражало. Ах, как они бесились тогда, ее подружки! Год за годом он встречал Варю со всех вечеринок, ходил вместе на концерты, водил в сессию в институт, крепко держа за ледяную руку (у нее всегда были холодные руки, всему виной низкое давление). Год за годом они пытались «открыть ему глаза», обмолвись будто бы случайно, что у Вари новый кавалер, и впиваясь глазами в его физиономию с нездоровым любопытством – не побледнел ли? Ярово лицо – спокойное и почти отрешенное – всегда их разочаровывало. Одна даже однажды предположила (он отошел в театре за кофе), что он тайный импотент или голубой. Окияннин тогда испытал жгучее желание отыметь девку прямо на столике театрального буфета, но он только улыбнулся, протягивая гадине ее чашку кофе чуть дрожащими от ярости пальцами.

А эта встреченная в метро подруга была из доброжелательных, жалела его (чем вызывала у Окиянина в свое время не меньшее бешенство), и он вдруг начал умолять ее зайти с ним в кафе и, когда она, слава богу, согласилась, стал изливать душу. Как ему плохо и пусто в этом городе, как бессмысленно без Вари и как все ему о Варе напоминает – и немудрено, ведь он думает только о ней. Вот – стоит как истукан внизу эскалатора и ждет, будто она сейчас появится, с извиняющейся гримаской – за вечные опоздания, и чмокнет в щеку, обдав своим запахом и мягкостью волос. А потом отдаст сумку, и они войдут в электричку. И если повезет, будет час пик и она будет прижата к нему чужими потными телами, а он станет только придерживать ее, положив ладонь чуть выше того места, куда ее хотелось бы положить. Чуть выше, но как близко! Он разрыдался тогда – в первый и последний раз – и вспомнить стыдно, но подруга – да благослови Господь ее такт – глядела в окно, пока он приходил в себя, хотя смотреть за окном было ну совершенно не на что. Чуть раньше она попыталась ему рассказать, как Варя живет там, в своем Солт-Лейк-Сити со своим Караваем, но он пресек это сразу же – он уже тогда ничего не хотел знать. А сейчас? Яр уткнулся лицом в подушку. Ткань была уже нагрета горячечной щекой. Нет, сказал он себе. Ничего он не будет спрашивать, даже если вдруг этот... Захочет поделиться с ним своим заоблачным супружеским счастьем.

И за минуту до того, как провалиться в полубоморочный сон, перед глазами его вдруг вспыхнула яркая, как из другой жизни, картинка: он, Окияннин, стоит вниз

головой на дне рождении Костика, лучшего друга. Он стоит вниз головой на спор, в коридоре, а в квартиру входит девушка в легком сарафане с открытыми тонкими руками, с низко, как у Одри Хепберн, подстриженной челкой... И Костя торжественно объявляет: «Знакомьтесь, моя девушка, Варвара!» Окиянин тогда неловко «упал» с головы, что вызвало всеобщий смех. И, представляясь девушке, он уже понял, что убьет Костю, потому что девушка была... Она, словом, не имела к Косте никакого отношения, хотя влюбленный Костя этого еще не знал... К слову сказать, Костю убивать не пришлось – расстались они с Варей быстро, но и Яр постепенно свел общение с ним на «нет». Ему самому не хотелось себе признаваться, что дело просто было в том, что Костя с Варей спал и тем автоматически стал Окиянину отвратителен...

На следующее утро его разбудила уже новая девица с ресепшен: он совсем забыл, что сам попросил поднять его в полседьмого для обязательной пробежки. Спускаясь на лифте, Яр кожей ощущал тишину погруженного в сон отеля. Ему было все равно, в какую сторону бежать, и он взял направление на шпиль городской ратуши. И не ошибся: через пять минут он уже стоял, задрав голову, разглядывая позолоченного человечка на шпиле. Небо было ясное, и человечек блестел в лазоревых высотах, гордый и одинокий. Яр вспомнил о символике городской скульптуры – о ней говорилось в книге, которую он недавно прочел. Читал Окиянин много и эрудиции был пугающей. Вот, к примеру, символика средневековой скульптуры, с кем поделиться мыслью? Раньше он все выплескивал Варе, и все приобретало ценность, только уже будучи ей рассказанным. Он вспомнил, как однажды в сессию, за сорок минут поездки в метро от ее дома до института, успел «закачать» в нее уйму знаний по французской литературе конца девятнадцатого – начала двадцатого века. Да так, что она, смеясь и хватая его за локоть (ах, ну почему же за локоть, любовь моя!), выговаривала, что он не обязан предоставлять ей такие сведения об отношениях Верлена и Рембо, все равно она не сможет изложить сии ценнейшие детали преподавателю! В тот день он не стал ее ждать с экзамена – по ее смущенному лицу Яр понял, что на встречу планируется очередной поклонник. Так, выйдя из здания факультета, Яр позвонил одной из старинных приятельниц, пригласив ее в свою комнату на Васильевском. Приглашение без экивоков было тотчас же принято. Девушка была из тех, что ему обычно нравились – высокая, с крупной грудью и ягодицами. Когда они отзанимались любовью, она закурила и спросила:

– Ты, случаем, умирать не собираешься?

- Почему? – только и мог он ответить, откинувшись на подушки.

Она затянулась.

- Да просто трахался, как в последний раз.

- Да нет, не в последний. – Окиянину уже хотелось, чтобы она ушла.

- Завтра встретимся? – девушка не глядя пошарила руками под кроватью в поисках колготок.

- Я позвоню, – он взглянул на часы, машинально отметив, что Варя должна была уже выйти из института со своим кавалером.

Варя, конечно, прекрасно понимала, что ее отношения с Окияниным («Оушеном», как она его частенько называла, переведя Окиянина в Море-Окияна, а потом и в английскую версию) нельзя назвать нормальными. Дружить с влюбленным в тебя мужчиной, тем более столь тяжело влюбленным, извращение. Желание, которое он к ней испытывал, Яр прятал истово, берег от взглядов, как девичью честь. Это и был вопрос гордости – еще не хватало и этого последнего унижения: знать, что она видит, что он... Иногда ему казалось, что если бы он попросил, то Варя пришла бы к нему в коммуналку на Васильевском, но разве о таком просят? Но порой было наплевать, что «не просят». В такие моменты голубые глаза Яра темнели, а Варя вдруг отворачивалась и начинала говорить о ерунде.

Впрочем, после того подслушанного разговора Окиянин понял, что просить никогда не будет.

Дело было за городом, они приехали на дачу к очередной ее подруге. Пока Варя и подруга готовили обед, Окиянин наносил воды с колонки. Подойдя к двери на кухню, он услышал:

- Да дай ты ему, Варька! Прямо ж сердце надрывается на него смотреть!

– Катя, – произнесла Варя совсем не своим, а каким-то больным голосом. – Не могу я. Ты думаешь, я не вижу, что он меня любит все эти годы и никто меня как он любить не будет?

– Ну, это положим, – раздался стук ножа, видно, он застал подруг за резкой салата. – Жизнь-то длинная. Чего головой-то мотаешь?

– Не могу я. Правда. Отторжение у меня какое-то на него. Со всеми могу, а с ним... Он странный, Оушен.

– В плане – псих?

– Нет, – Варя задумалась, а Яр затаил дыхание. – Есть в нем что-то ненормальное. Глаза голубые, холодные – ты же знаешь, я люблю карие. И – посажены очень близко.

Катя засмеялась. Потом Варя.

– Ладно, Катюшка, такова се ля ви. Один он меня любит, а меня от него физически воротит. Ни с кем другим такого нет. Хотя, думаю, в постели он должен быть очень ничего...

Яр тихо отошел от двери и долго держал голову под ледяной водой колонки.

На следующий день у него поднялась температура. Это был единственный раз, когда Варя пришла навестить его. Окиянин знал, что выглядит ужасно, весь в поту, с темными кругами под глазами, но ему было все равно. Она тихо сидела на краю его постели и говорила полусшепотом о каких-то пустяках, поглаживая его влажную руку и изредка вытирая ему капли пота на лбу.

– Тебе не противно? – спросил он.

– С ума сошел? – Варя поцеловала его в мокрый лоб.

Может, ему тогда все слышалось? – вскипела безумная надежда. Может, это было началом сегодняшнего бреда? В его охваченном жаром сознании отказывались отделиться физический контакт ухода за больным с физическим

контактом, окрашенным вождедением. Возможно, если бы не мать, он решился бы, под влиянием высоких температур, притянуть ее к губам, пригвоздив тонкие кисти к матрацу со сбившейся влажной простыней – и пусть ей будет больно, как ему больно всегда в ее присутствии. И в отсутствии ее же. Но мама вошла в комнату и неискренним «гостеприимным» голосом предложила чаю. Варя только улыбнулась смущенно и покачала головой. Ненависть шла от матери волнами, и натужно натянутая улыбка не могла никого убедить. А уж тем более Варю. Она очень быстро свернула беседу и собралась уходить, пожелав ему скорого выздоровления. Он даже встал и, несмотря на протесты обеих, пошел, проводил ее до входной двери: он просто боялся, что мать что-нибудь скажет Варю, оставшись с ней тет-а-тет в прохладном сумраке прихожей.

– Господи, ни кожи ни рожи, – выкрикнула мать ему в спину, пока он, покачиваясь, ковылял обратно в комнату. – Слава, сколько можно-то! Лучше б ты в школе влюбился!

– Что? – Окиянин уже откинулся на подушки, пытаясь поймать в воздухе ее запах. Безрезультатно. Нос был заложен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/darya-dezombre/stat-regentom>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)